

С. В. Ефимов (Санкт-Петербург)

**«СОЮЗОМ МИРА СВЯЗУЕМЫ».
РОССИЯ И ШВЕЦИЯ НА ПУТИ
К НИШТАДТСКОМУ МИРУ 1721 г.**

О СЕНЬЮ 1721 г. в Санкт-Петербурге начались многочисленные награждения медалями в память окончания Северной войны. Солдат и унтер-офицеров жаловали серебряными, а офицеров награждали золотыми медалями разного достоинства. Медали с надписями на латыни получили также и иностранные дипломаты.

Первая отечественная медаль, отчеканенная из золота и серебра, добытого в России, в Нерчинских рудниках Большого и Малого Култука, знаменовала победу в Северной войне над шведами и заключение долгожданного Ништадтского мира. В центре композиции, на лицевой стороне памятных и наградных медалей изображен Ноев ковчег, над которым летит голубь с символом мира — пальмовой ветвью в клюве. На заднем плане — силуэты Петербурга и Стокгольма, соединенные в знак мира радугой и надписью: «*Союзом мира связуемы*». Внизу в обрезе помещена надпись: «*В Нейстате по потопе Северных войны 1721*». На пути к заключению Ништадтского мирного договора Россию ждали многочисленные внутривнутриполитические и внешнеполитические препятствия (ил. 1).

Вслед за Полтавской победой 27 июня 1709 г. последовали «полосы признаний» России на международной арене иностранными государствами, что способствовало созданию нового антишведского союза¹. Однако к концу 1710-х гг. тучи стали сгущаться. Тайное пребывание наследника российского престола, царевича Алексея, в 1716—1717 гг. во владениях Габсбургов привело к русско-австрийскому конфликту, который наложил свой отпечаток на работу русско-шведского мирного конгресса

Ил. 1. Медаль на заключение Ништадтского мира (аверс и реверс). 1721 г.

на Аландских островах (так называемый Аландский конгресс 1718—1719 гг.)². Конфликт усугублялся присутствием русского экспедиционного корпуса на территории германских земель, принадлежавших Швеции (Померания, Штеттин), союзного России Мекленбургского герцогства и Польши³.

Кроме того, от Швеции уже оказались отторгнутыми и перешли под русское управление Ингерманландия, Карелия, Эстляндия с Ревелем, Лифляндия с Ригой, Выборг, а после взятия А. И. Румянцевым крепости Каянебург (апрель 1716 г.) оккупированной оказалась большая часть Финляндии. Фактически русские войска занимали гораздо большую территорию, чем та, на которую реально претендовала российская дипломатия. Эта экспансия на территорию Западной Прибалтики и в германские земли с нарастающим опасением воспринималась европейскими державами и не могла не вызвать ответных действий⁴.

Сложная для России международная обстановка еще более обострялась конфликтом царя с его сыном. Сведения о внутриполитических проблемах России начали особенно интересовать иностранных дипломатов с момента бегства царевича за границу. Если до 1716 г. дипломатические сообщения об отношениях Алексея и Петра I были крайне скупы, то после того как конфликт царя с сыном стал достоянием гласности, в европейские столицы стали поступать подробные донесения на эту тему. Еще во время пребывания царевича Алексея в Неаполе в марте 1717 г. французский агент в Санкт-Петербурге Анри де Лави писал об

опасениях приближенных царя, что после его смерти наследник покинет новую столицу, которая запустеет, а дела государства вернутся к прежнему, допетровскому состоянию⁵.

Происходившие в России события подробно освещались в европейской печати. Так, например, в историко-публицистическом сборнике «Theatrum Euгоraeum», выходявшем во Франкфурте-на-Майне, регулярно печатались документы, связанные с делом Алексея (переписка Петра I с сыном и императором Карлом VI), а также известия о миссии А. П. Веселовского, П. А. Толстого и А. И. Румянцева в Вену и Неаполь, сведения о розыске в Москве и Петербурге, информация о растущем в народе «неудовольствии» против царя, официальные меморандумы о смерти царевича⁶.

Европейские дипломаты относились к делу царевича по-разному: у одних возникала надежда на развитие внутренней смуты и нестабильности, которая ослабила бы страну, другие рассчитывали, что между Россией и Австрией вспыхнет вооруженное противостояние, третьи опасались за иностранцев в России и все петровские преобразования.

Большую тревогу относительно судьбы союзной державы высказывал А. де Лави. «В этом городе (Москве. — С. Е.), — писал он в начале 1718 г., — вследствие бесчисленных обвинений появилась как будто какая-то общественная зараза. Здесь никто не знает, обвинитель ли он или обвиняемый... Сказанное мною относится до знатных лиц, низшие же сословия как будто оставлены до следующего раза»⁷.

Спустя некоторое время он же отмечал: «Чем ближе я знакомлюсь со смутным положением России, тем менее могу предвидеть, чем кончатся все эти беспорядки. Все предпринятое его царским величеством не будет прочно, если он не достигнет преклонных лет...»⁸.

Саксонский дипломатический представитель И. Лосс считал, что одной из причин, заставивших Петра I отрешить своего сына от наследования престола, «была та мысль, что после смерти царя союзникам и друзьям пришлось бы очень плохо от такого преемника, как царевич, который не замедлил бы бросить их в тюрьму тотчас по вступлении на престол»⁹.

Австрийский резидент О. А. Плейер в начале 1717 г. доносил императору в Вену о том, что к нему обращаются представители высшего петербургского общества с вопросами о судьбе

царевича. В столице ходили слухи относительно тайного пострижения Алексея в отдаленный монастырь по приказу царя. «Вследствие этой ссылки, — замечает О. А. Плейер, — гвардейские полки, укомплектованные большей частью благородными, составили будто бы со всей прочей армией заговор в Мекленбурге, чтобы убить царя, посадить царицу на корабль, привезти сюда (в Петербург. — С. Е.), затем доставить в Москву с ее меньшим принцем (Петром Петровичем. — С. Е.) и принцессами, а оттуда отвезти и запереть в тот монастырь, куда была изгнана прежняя супруга (Петра I. — С. Е.), последнюю же освободить и передать ей с настоящим наследником правление»¹⁰.

Дипломат отмечал также, что Петр не торопится возвращаться в Петербург из Москвы, дабы не дать повода для встречи гвардейских полков с представителями духовной и светской знати, в результате чего могло бы возникнуть «движение в пользу царевича», «к которому здесь все очень склонно». О. А. Плейер доносил, что ходит молва об участии в заговоре царицы Прасковьи Федоровны, которая арестована по подозрению в тайных связях с Алексеем и его сторонниками, но русские держат это в секрете из уважения к ее дочерям-герцогиням — Мекленбургской Екатерине Ивановне и Курляндской Анне Ивановне. О. А. Плейер весьма критически оценивал внутреннее состояние Российского государства. По его мнению, в стране царило общее недовольство бременем налогов, собираемых на строительство флота, крепостей, портов и ведение затянувшейся войны со шведами¹¹.

Содержание этих писем стало известно русскому правительству после возвращения царевича Алексея в Россию. В связи с этим 18 марта 1718 г. Петр I потребовал от императора «... как наискорее его (О. А. Плейера. — С. Е.) от двора нашего отозвать, ибо мы с ним ни о каких делах трактовать не будем»¹².

Австрийское внешнеполитическое ведомство решило настаивать на праве резидента информировать свое правительство обо всем том, что он считает достойным внимания. Между русским резидентом в Вене А. П. Веселовским и главой конференции министров принцем Евгением Савойским состоялась беседа, в которой последний ссылаясь на международное право, а русский дипломат укорял О. А. Плейера в недобросовестности и сношениях с «злодейными подданными» царя¹³.

Дело резидента было рассмотрено в Вене на заседании конференции министров во главе с вице-канцлером К. Ф. Шенборном и Евгением Савойским. Конференция сняла все обвинения, возведенные русской стороной на дипломата, и передала свое заключение на утверждение Карлу VI. Император, отличавшийся медлительностью в принятии решений, не сразу вынес окончательный вердикт, и О. А. Плейер продолжал исполнять свои обязанности при русском дворе. Однако вел он себя более осторожно. Донося 15 июля 1718 г. о смерти царевича, дипломат ограничился передачей официальной версии случившегося. Так же осторожно О. А. Плейер информировал свое правительство о праздновании на другой день после смерти Алексея очередной годовщины Полтавской баталии и царского тезоименитства (29 июня 1718 г.), о торжественном спуске корабля, а также об аресте голландского резидента Я. де Бизэ (Би). Причин последнего он не знал или опасался сообщить¹⁴.

Не дождавшись скорого отзыва австрийского резидента, русская сторона подвергла его настоящему остракизму. О. А. Плейер оказался единственным дипломатом, которого не пригласили на траурные церемонии, связанные с погребением царевича, и на названные торжества. В одном из донесений Я. де Бизэ содержится описание трагикомического случая, происшедшего с австрийским дипломатом.

В день рождения царя О. А. Плейеру высказали пожелание не являться на праздничный обед во дворец. Однако, когда после обеда Петр пригласил всю компанию в свой летний дом, то не все смогли добраться туда из-за недостатка шлюпок. Государь, обратив внимание на отсутствие некоторых иностранных дипломатов, приказал П. И. Ягужинскому позвать их. Посланный офицер, не разбиравшийся во внешнеполитических проблемах двора, явился и в дом О. А. Плейера. Тот очень удивился приглашению, но спешно оделся и прибыл во дворец, где был встречен П. П. Шафировым. Вице-канцлер выразил свое негодование наглым поведением австрийца. После обмена «любезностями» О. А. Плейер удалился¹⁵.

18 июля 1718 г. резиденту удалось отправить в Вену тайное послание с довольно подробным описанием происходившего в Петербурге. Дипломат объяснял сдержанность своих последних донесений боязнью перехвата корреспонденции. Он писал К. Ф. Шенборну, что царевича подвергли пыткам и,

вероятно, тайно обезглавили ударом меча или топора. Царь, по его словам, на другой день был очень весел, равно как и семейство Меншиковых¹⁶.

В письме сообщалось о причинах домашнего ареста голландского резидента Я. де Биэ и невозможности вести переписку дипломатическими каналами, так как русские всю ее перехватывают и расшифровывают. От иностранных министров в Петербурге потребовали не общаться с Я. де Биэ.

Ощущение надвигающейся грозы отчетливо чувствуется в сохранившейся переписке австрийского дипломата. Он сообщал о невозможности правильно и обстоятельно информировать венский двор о происходящем в Петербурге и требовал соответствующих обстоятельствам распоряжений. Опасаясь ареста, О. А. Плейер сжег свою корреспонденцию и просил разрешения воспользоваться тайным шифром венской канцелярии, так как его собственный шифр был раскрыт русскими.

Не получив положительного ответа на просьбу об отзыве О. А. Плейера, русское правительство 6 июля 1718 г. повторило свой протест в связи с его действиями. На очередном заседании венской конференции министров протест был отклонен, и императорский двор занял по отношению к Санкт-Петербургу еще более враждебную позицию. Вице-канцлер К. Ф. Шенборн настаивал на применении к России санкций в виде запрета А. П. Веселовскому являться ко двору, а также письменных сатисфакций от русского правительства по поводу нарушений норм международного права. Предлагалось также отозвать О. А. Плейера, вознаградив его за безупречную службу и потерю места, а в Россию резидента более не назначать¹⁷.

Связанный с О. А. Плейером конфликт наложился на общее раздражение венского двора из-за неразрешимости «мекленбургского вопроса» и отказа России присоединиться к австрийско-венецианскому блоку для ведения войны против Турции — союзницы Франции¹⁸.

Пребывание русских войск в Мекленбурге и союзные отношения герцога Мекленбург графа Шверинского Карла Леопольда с Петром I серьезно беспокоили Георга I (в качестве курфюрста Брауншвейг-Люнебургского, английский король был имперским князем) и Карла VI. Перспектива русского господства над западной частью Балтийского моря и над выходом из него в Северное нарушала систему равновесия и мира в Священной Римской

империи германской нации (ил. 2, 3).

Желая снизить напряженность в русско-австрийских отношениях, царь выразил готовность пойти на уступки и заявил, что не собирается вмешиваться в мекленбургский конфликт, а также советовал герцогу Карлу Леопольду смириться с требованиями своего дворянства, которое поддерживал император. Единственное, в чем Петр I оставался непреклонен, так это в требовании немедленного отзыва О. А. Плейера.

Венский же двор настойчиво защищал права своего дипломата. Император, уверенный

в поддержке со стороны Англии и других государств Четверного союза и в своих военных силах, готовых к вооруженному противостоянию после заключения Пожаревацкого мира (1718 г.) с Турцией, был оскорблен тем, что в официальном и опубликованном на основных европейских языках «Объявлении розыскного дела...» его представили как предателя, нарушившего обещание укрыть царевича Алексея в имперских владениях¹⁹.

В связи с этим Петру I было заявлено, что австрийское правительство будет вынуждено дать публичный отчет об истинном положении дел. С этой целью вице-канцлер К. Ф. Шенборн составил соответствующую записку, «однако от издания пришлось отказаться, ибо в поведении Вены были все же известные компрометирующие ее шаги»²⁰.

Итогом злключения австрийского дипломата в России было то, что конференция министров венского правительства

Ил. 2. Император Карл VI. Художник Ян Купецкий. 1716 г.

Ил. 3. Английский король Георг I.
Художник Годфри Кнеллер. 1720-е гг.

в составе принца Евгения Савойского, канцлера Ф. Л. Цинцендорфа, вице-канцлера К. Ф. Шенборна и графа Г. Старенберга приняла окончательное решение. В протоколе заседания говорилось: «...конференция считает своим долгом заметить, как самовластно и неприлично поступает царь с чужестранными министрами при своем дворе; следовательно, можно опасаться и за Плейера; посему конференция полагает задержать здесь (в Вене. — С. Е.) Веселовского под предлогом получения им ответа от его двора, пока

Плейер не будет в безопасности. Хотя теперь вся корреспонденция с царем прервется, но конференция, тем не менее, о том думала, что между вашим величеством и царем дошло до того, что восстановить взаимное согласие могут уже не министры, а посредствующая третья держава»²¹.

Отношения с Австрией приобретали все более напряженный характер. В конце 1718 г. О. А. Плейер был выслан из Петербурга²². В ответ на его высылку из России венские власти выдворили из страны русского резидента и торговых представителей²³. Вслед за этим Петр I распорядился изгнать из Российского государства иезуитов — «императорских миссионеров»²⁴.

Вместе с тем русское правительство, ведя с Веной дипломатическую войну, никак не намеревалось пойти на окончательный разрыв отношений и считало инцидент с О. А. Плейером частным случаем, который не должен решительно влиять на двусторонние отношения²⁵.

Не менее драматично сложилась дальнейшая судьба русского представителя при венском дворе А. П. Веселовского (находился в ранге «резидента при цесарском дворе» с 24 мая 1715 г. по 16 февраля 1719 г.). 4 февраля 1719 г. в ответ на высылку из Петербурга О. А. Плейера австрийское правительство приказало А. П. Веселовскому покинуть Вену. Дипломата, оказавшегося не у дел, Петр направил в марте 1719 г. резидентом ко двору ландграфа Гессен-Кассельского²⁶. Но не успел тот прибыть к месту своего нового назначения, как планы в Петербурге изменились и ему было указано возвратиться на родину.

По дороге в Россию А. П. Веселовский заехал в Берлин, где встретился с находившимся там российским послом, графом А. П. Головкиным и тайным советником П. А. Толстым. Из Берлина А. П. Веселовский намеревался ехать в Петербург и даже отдал некоторые свои вещи в обоз П. А. Толстого, но перед самым отъездом «притворился быть болен и не поехал», а через несколько дней «скрылся и пропал безвестно»²⁷.

Петр I, обеспокоенный исчезновением дипломата, распорядился начать его поиски. Для них имелись определенные причины. Во-первых, А. П. Веселовский руководил дипломатической миссией при крупнейшем европейском дворе, находившемся с 1696 г. в союзных отношениях с Россией. Исчезновение осведомленного дипломата в условиях продолжавшейся Северной войны и во время формирования антирусской коалиции европейских держав было для России большой потерей. Во-вторых, резидент в 1716—1718 гг. странным образом не смог выполнить практически ни одного из важнейших секретных поручений своего правительства, и в Петербурге, вероятно, надеялись разобраться, «на кого работает» А. П. Веселовский.

В марте-апреле 1720 г. русские дипломаты при европейских дворах получили предписание «трудиться, каким способом его, Веселовского... поймать и за арест отдать, а потом и сюда, оковав, за караулом прислать»²⁸. Одновременно князю Ю. И. Гагарину, находившемуся с 1717 г. при императорской армии под командованием принца Евгения Савойского в качестве военного наблюдателя, было приказано провести во главе группы офицеров «поиск» А. П. Веселовского в германских землях и арестовать его²⁹.

В июле 1718 г. бывший майор русской службы Шенк во Франкфурте-на-Майне опознал на постоялом дворе в проезжем

«кавалере Фрелихе» А. П. Веселовского, который «в его время был секретарем у князя Меншикова»³⁰.

Из Франкфурта беглец направился в Гессен-Кассель. Чрезвычайный посланник русского правительства в Вене П. И. Ягужинский, получив известие о местонахождении резидента, распорядился преследовать и арестовать его под предлогом неуплаты крупного денежного долга. Не исключалась и возможность похищения. Казалось бы, дипломата неминуемо ждет тюремная камера в Петропавловской крепости и застенок Тайной канцелярии, но А. П. Веселовский, в последний момент узнав о готовящейся западне, спешно выехал из Гессен-Касселя в неизвестном направлении. Последующие попытки обнаружить его следы были безуспешны.

Дальнейшая судьба дипломата-«невозвращенца» сложилась довольно удачно. Он укрылся в Англии, где безуспешно пытался получить английское гражданство. В 1730-е гг. А. П. Веселовский перебрался в Швейцарию, где безбедно прожил до 1783 г. Он успел познакомиться с Е. Р. Дашковой и А. Г. Орловым, предлагал свои услуги Вольтеру в его работе над «Историей России при Петре Великом»³¹.

Двойственные чувства относительно возвращения на родину испытывал один из самых видных дипломатов петровского времени князь Борис Иванович Куракин. Еще до приезда царевича Алексея в Россию он оказался под подозрением в причастности к его бегству. Интригами П. А. Толстого и П. П. Шафирова князь не был направлен послом в Вену с целью добиваться выдачи царевича, как это первоначально планировалось³². Во время следствия в Москве и Санкт-Петербурге против Б. И. Куракина были собраны показания арестованных сторонников Алексея, но Петр I по какой-то причине решил не давать хода делу и не арестовал своего родственника. Царь ограничился отстранением дипломата от участия в русско-шведских переговорах в Голландии и на Аландском конгрессе. Голландский резидент Я. де Биэ писал в день смерти царевича Алексея: «Я слышал при дворе, что князь Куракин говорил будто бы, что он готов всю жизнь служить царю вне России, но что он никогда не возвратится в отечество. Если эти слова были сказаны, то из них можно было заключить, что он не чувствует себя здесь в безопасности»³³.

До смерти Петра I предпринимались попытки нормализовать отношения с Австрией. В 1721 г. в Россию прибыл полномочный

посол, богемский наместник и камергер императора граф Стефан Вильгельм Кинский (Кински). Он был назначен императором на этот высокий пост благодаря знанию славянских языков и чешскому происхождению. С. В. Кинский должен был вести переговоры о заключении союзного и торгового договора между Австрией и Россией. Однако перед послом стояла еще одна, очень деликатная и тайная задача. Он должен был всячески способствовать назначению в качестве наследника российского престола сына царевича Алексея — Петра, который являлся племянником (по матери) императрицы. Открыто требовать соблюдения прав царевича венский двор не решался, но пристально следил за судьбой внука первого российского императора.

Из донесений посла, а также секретаря посольства Н. С. Гохельцера (Гогенгольца) известно, что они с большим вниманием следили за жизнью царевича Петра Алексеевича, его воспитанием, обучением и отношениями с августейшими родственниками.

Возможно, отъезд С. В. Кинского из России до завершения переговоров был обусловлен недовольством российского правительства слишком активным интересом имперского посла к проблеме прав Петра Алексеевича на престол³⁴. Конфликт между венским и петербургским дворами был окончательно урегулирован только после смерти Петра I. В 1726 г. в Санкт-Петербург был направлен чрезвычайный посол, граф Амадей Рабутин-Бусси, который в том же году подписал русско-австрийский союзный договор, определивший систему отношений двух стран вплоть до середины XIX в.³⁵

Пристально следил за ходом дела царевича Алексея ганноверский резидент Ф. Х. Вебер, вернувшийся в Россию после кратковременного отъезда на родину и представлявший интересы брауншвейг-люнебургского (ганноверского) курфюрста и английского короля Георга I — давнего недоброжелателя русского государя³⁶.

20 декабря 1717 г. дипломат сообщает из Санкт-Петербурга о путешествии Петра I в Москву, где должно было начаться следствие над царевичем и его сообщниками. Во время пребывания в северной столице немецкий дипломат возобновил добрые отношения с князем А. Д. Меншиковым, нанес визиты членам царской семьи и высокопоставленным особам. При этих посещениях Ф. Х. Вебер скрупулезно собирал информацию о происходивших

в России потрясениях. Ему удалось узнать подробности ареста в Петербурге А. В. Кикина, В. В. Долгорукого и других сторонников Алексея. Кроме того, дипломат получал постоянную корреспонденцию из Москвы, где в феврале—марте 1718 г. находился двор и велось следствие. Некоторые обстоятельства кикинского и суздальского розысков сообщил ему генерал А. А. Вейде. Вице-канцлер П. П. Шафиров извещал немецкого дипломата о событиях в Москве и от имени царя приглашал прибыть туда³⁷.

26 февраля 1718 г. Ф. Х. Вебер отправился в Москву, где пробыл до апреля. Там резидент стал свидетелем важнейших событий московских розысков и страшных казней, происходивших на Красной площади в середине марта³⁸.

Отношения резидента с русским правительством складывались хорошо, тем более что Петр был заинтересован в заключении союза с Англией. 18 марта Ф. Х. Вебер получил аудиенцию у царя и встретился с П. П. Шафировым, который заверил дипломата в том, что Россия не намерена заключать сепаратный мир со Швецией на Аландском конгрессе³⁹.

Вернувшись в Петербург, Ф. Х. Вебер оказался в сложном положении — русское правительство узнало о мирных переговорах между Швецией и Англией. Голландский резидент Я. де Биэ сообщил Генеральным Штатам о неприятном эпизоде, происшедшем на свадьбе И. А. Мусина-Пушкина (2 мая 1718 г.): государь спросил сидевшего подле него ганноверского дипломата об англо-шведских переговорах; этот вопрос привел Ф. Х. Вебера в сильное смущение, и он не сразу нашелся, что сказать. Петр, заметив это, стал в резких выражениях укорять резидента и заметил, что «мы никак не ожидали подобных результатов от союза, искренне нами заключенного»⁴⁰.

В мае 1718 г. отношения между Россией и Англией стали еще более прохладными. Георг I узнал о тайных связях русской дипломатии с претендентом на престол от свергнутой династии Яковом III Стюартом и якобитами, которые осуществлялись через лейб-медика царя Р. К. Арескина (Эрскина). Ф. Х. Вебер должен был вести себя очень осторожно. В связи с петербургским розыском по делу царевича Алексея все дипломатические миссии в северной столице были под пристальным наблюдением русских властей с целью пресечь нежелательные контакты и утечку секретной информации за границу. Ганноверский резидент стал свидетелем обыска в доме Я. де Биэ, имел возможность наблюдать,

как резко обращалось русское правительство с австрийским дипломатом О. А. Плейером. Боязнь ареста заставляла Ф. Х. Вебера быть очень осмотрительным. «В Петербурге, — доносил дипломат, — вскрывают все письма, и что еще удивительнее — это происходит совершенно открыто. Вот причина бедствий венского и голландского резидентов». Из Ревеля Ф. Х. Вебер писал, что Россия — ужасная страна, где все трепещут, и даже шифром писать опасно⁴¹.

В отличие от подробных и изобилующих деталями сообщений о следствии по делу царевича в Москве донесения Ф. Х. Вебера из Петербурга «дают лишь скудные данные об этом предмете». Дипломат кратко извещает о ходе следствия в Петербурге, о попытке В. В. Долгорукого и А. Ф. Лопухина в Петергофе, о судьбе несчастной вдовы А. В. Кикина. Это объясняется прежде осторожностью дипломата, которого в любую минуту могла постичь судьба двоих коллег по дипломатическому корпусу⁴².

В переписке с Ганновером Ф. Х. Вебер также ограничивался сообщениями о судьбе этих дипломатов. В июне 1718 г. он пишет, что О. А. Плейеру без объяснения причин запрещен проезд ко двору. «Однако, — добавляет дипломат, — все знают, что Веселовский в Вене успел достать копии донесений Плейера, где сообщалось об этих делах (то есть о следствии. — С. Е.) и особенно о царевиче такие известия, которые оказались весьма неприятными для здешнего двора». В следующем письме Ф. Х. Вебер отмечает, что хотя О. А. Плейеру и запрещен проезд ко двору и во все места, где бывает царь, сам он чувствует себя совершенно покойно, так как не видит за собой вины и считает, что честно исполнил свой долг⁴³.

Ганноверскому резиденту удалось узнать о странном случае, происшедшем с австрийским курьером, отправленным из Вены к О. А. Плейеру. В окрестностях Дерпта он был схвачен, избит и привязан в лесу к дереву, где пробыл четыре дня, пока местный крестьянин не нашел его и не привез в Дерпт. Курьер скончался на другой день, несмотря на все старания «царских комиссаров». Все находившиеся при нем секретные дипломатические бумаги бесследно исчезли. Австрийский резидент, узнав об этом случае, распорядился о погребении тела и ходатайствовал о проведении следствия⁴⁴.

Не вызывало сомнения, что за всем этим стоит Посольская канцелярия, но никто не решился выдвинуть открытое обвинение.

Дипломаты предпочитали изыскивать тайные пути для пересылки корреспонденции.

Как мы уже отмечали выше, Ф. Х. Вебер дружил с некоторыми дипломатами в Санкт-Петербурге. Так, например, он был в очень хороших отношениях с семьей Я. де Биэ, который узнавал через ганноверца о секретных делах русского двора⁴⁵. Во время допроса вице-канцлер спрашивал Я. де Биэ об источнике некоторых сведений, сообщенных им голландскому правительству. Дипломат заявил, что получил информацию от О. А. Плейера и Ф. Х. Вебера. «Нет, господин Вебер не мог сообщить таких известий, — заметил П. П. Шафиров, — он слишком умен и осмотрителен, вашим наперсником был этот проклятый клеветник Плейер»⁴⁶.

Можно понять, что при таких условиях пребывания в России вести обычную дипломатическую переписку было крайне сложно. В одном из донесений немецкий дипломат с иронией замечал, что получить из России подробных известий невозможно, так как всякий сочинитель писем о русских делах подвержен «опасности кнута». Это письмо предусмотрительный резидент отправил из вольного города Данцига⁴⁷.

Нервозная атмосфера среди дипломатического корпуса в Петербурге еще более нагнеталась из-за ухудшения русско-английских отношений. Ганноверский резидент находился под пристальным и постоянным наблюдением русских. «Нельзя ожидать ничего хорошего от этого двора, — писал он 15 сентября 1718 г. королю Георгу I, — все клятвы здешних министров оказываются ложью, ненависть против вашего королевского величества не может быть сильнее, и не достает только силы вредить нам»⁴⁸.

В отличие от своих коллег-дипломатов Ф. Х. Вебер не пострадал — он был слишком умен и осмотрителен, но внутренняя обстановка в России времени политического процесса по делу царевича не могла не оказать влияние на отношения между двумя странами. Поспешный отъезд Ф. Х. Вебера из России скорее напоминал бегство, а ускоренный сбор информации о русской армии и флоте, экономическом состоянии государства, отраженный в последних депешах, говорил о прогрессирующем англо-русском конфликте.

Политический процесс по делу царевича Алексея был воспринят в Англии как признак внутренней нестабильности и смуты в Российском государстве. Георг I, относившийся к Петру I

неприязненно, воспользовался сложной для России внешнеполитической обстановкой и гибелью Карла XII⁴⁹ и подписал в августе 1719 г. прелиминарный (предварительный) англо-шведский союзный договор, предусматривавший выплату шведскому правительству значительных субсидий для ведения войны и совместного участия в давлении на противников Швеции.

Сепаратные статьи договора откровенно говорили о фактическом участии Англии в войне на стороне Швеции. Георг I добился окончательного развала Северного союза и фактической денонсации русско-французского Амстердамского договора (1717 г.)⁵⁰.

Регент Филипп Орлеанский при малолетнем короле Людовике XV под давлением секретаря Государственного совета Франциски по иностранным делам аббата Гийома Дюбуа был вынужден занять проанглийскую позицию и возобновил дипломатическую и финансовую поддержку Турции и Швеции, основных противников Российского государства⁵¹. Франция вошла в Четверной союз и возобновила субсидии шведскому правительству. К осени 1719 г. казна обескровленной Швеции получила из Версаля золотые слитки на сумму 300 тыс. лудиров для продолжения войны с Россией.

5 января 1719 г. Австрией, Ганновером и Саксонией был заключен Венский союзный договор, направленный против России. Его статьи предусматривали лишение России всех ее завоеваний в Прибалтике, отторжение Киева, Смоленска и других земель. Договор предусматривал также передачу под императорский секвестр Мекленбурга и применение военной силы против держав, которые попытаются помешать исполнению этого решения⁵².

В отношениях с Великобританией Петр старался не дать никакого повода, который помог бы ее властям оправдать любую войну перед общественным мнением. Осенью 1719 г. русское правительство ради сохранения мира с этой державой попыталось прибегнуть к помощи Голландии. В целях разрядки напряженности царь стремился использовать заинтересованность английских деловых кругов в торговле с Россией и занятыми ею областями. Поэтому он издал в апреле 1720 г. декларацию о позволении им беспрепятственно торговать в России, несмотря на враждебные шаги Лондона⁵³.

Крушение планов коалиционного разгрома России и оттеснения ее от берегов Балтики стало очевидным для короля Георга и его правительства. Поэтому Лондон в 1720 г. проявил желание,

Ил. 4. Шведский король Фредрик I.
Художник Г. Э. Шрёдер. 1720-е гг.

чтобы Северная война прекратилась, и Англия была освобождена от обязательства оказывать Стокгольму дорогостоящую военную и финансовую помощь. Это вовсе не означает, что англичане тогда полностью отказались от попыток организовать выступление против России объединенных сил ряда европейских государств. Они еще продолжали эти попытки, оказывая давление на своих партнеров. Однако Лондон, несомненно, значительно яснее, чем шведы, понимал сложившуюся обстановку.

Делая отсюда практические выводы, он дал Швеции совет — заключить мир с Россией. Кроме того, две крупные морские победы русского флота в 1719 г. у о. Эзель и в 1720 г. у о. Гренгам показали значение и мощь Балтийского флота.

В 1720 г. шведская королева Ульрика Элеонора отрёклась от престола в пользу своего супруга принца Фридриха Гессенского⁵⁴. 24 марта 1720 г. он был избран королём Швеции под именем Фредрика I и 3 мая того же года был коронован в Стокгольме. Его восшествие на престол сопровождалось дальнейшим ограничением королевской власти (ил. 4).

Победы русского оружия, а также давление правящей верхушки Швеции побуждали нового короля начать мирные переговоры с Россией⁵⁵. Местом проведения переговоров был выбран городок Ништадт (швед. *Nystad* — *Новый город*). Ныне это небольшой город Усуикаупунки в Западной Финляндии на берегу Балтийского моря, где ничего не напоминает о судьбоносных переговорах 1721 г., когда русский Орел и шведский Лев делили между собой землю и море после изнурительной двадцатидвухлетней войны. От старой застройки XVII—XVIII веков почти

ничего не сохранилось, и можно лишь только предполагать, где проходили переговоры.

С самого начала решено было не затягивать дело, а для этого отказаться от посредников и упростить протокол, «чтоб с обеих сторон никаких церемоний от министров ни в чем учинено не было»⁵⁶. Русскую сторону на переговорах представляли два уполномоченных. Первый из них, Яков (Яков Даниэль) Вилимович Брюс (1669–1735) был потомком шотландского королевского рода. Его отец В. Р. Брюс поступил на русскую службу в 1649 г. и был пожалован чином поручика царем Алексеем Михайловичем, а в 1658 г. произведен в полковники. Я. В. Брюс служил с 1683 г. в Потешных полках Петра I, с 1686 г. — прапорщиком в русской кавалерии. Он участвовал в Крымских походах 1687 и 1689 гг., Азовских походах 1695–1696 гг., Великом посольстве 1697–1698 гг., Северной войне 1700–1721 гг., Прутском походе 1711 г. Его продвижение по военной службе выглядит следующим образом: поручик (с 1688 г.), ротмистр (с 1693 г.), майор (с 1695 г.), подполковник и полковник (с 1696 г.), генерал-майор от артиллерии (с 1700 г.), генерал-поручик (с 1706 г.), генерал-фельдцейхмейстер (с 1711 г.). В 1701–1705 гг. Я. В. Брюс — глава Новгородского приказа и воевода в Новгороде, а с 1704 г. — глава Приказа артиллерии, исполняющий обязанности генерал-фельдцейхмейстера. Он руководил Московской гражданской типографией (с 1706 г.), участвовал в сражении при Калише 18 октября 1706 г., в Полтавской баталии 27 июня 1709 г. Брюс командовал русской артиллерией, а при осаде Риги (1710 г.) командовал осадной артиллерией, а также объединенной русской, датской и саксонской артиллерией в Померанском походе 1712–1713 гг. Я. В. Брюс занимал важные государственные должности: сенатора (с 1717 г.), президента Берг- и Мануфактур-коллегии (с 1717 г.), начальника Канцелярии главной артиллерии (с 1719 г.); директора Монетного и Денежного дворов (с 1720 г.), генерал-директора над фортификациями, ведавшего «все крепости и в них обретающихся артиллерийских служителей и артиллерию, амуницию, цейхгаузы и прочее, что к артиллерии принадлежит». Обладая дипломатическим опытом и знанием многих европейских языков, Брюс был главой русской делегации на Аландском конгрессе 1718–1719 гг. Перед отправкой на переговоры в Ништадт, царь возвел Я. В. Брюса в графское достоинство⁵⁷ (ил. 5).

Ил. 5. Яков Вилимович Брюс.
Гравюра XVIII в.

Ил. 6. Андрей Иванович
Остерман. Гравюра XVIII в.

Вторым дипломатическим представителем России был Генрих Иоган Фридрих (Андрей Иванович) Остерман (1686—1745), сын вестфальского пастора. Он учился в Йенском университете, после дуэли вынужден был бежать в Амстердам, откуда с вице-адмиралом Корнелиусом Крюйсом в 1704 г. приехал в Россию. Быстро обучившись русскому языку, он приобрел доверие царя и в 1707 г. стал переводчиком Посольского приказа, с 1710 г. его секретарем. Остерман сопровождал царя в Прутском походе 1711 г. Вместе с Я. В. Брюсом он участвовал в работе Аландского конгресса (ил. 6). «...Великий дипломат с лакейскими ухватками, который никогда в подвернувшемся случае не находил сразу что сказать и потому прослыл непроницаемо-скрытным, а вынужденный высказаться, либо мгновенно заболел послушной тошнотой или подагрой, либо начинал говорить так загадочно, что переставал понимать сам себя, — робкая и предательски каверзная душа»,⁵⁸ — таким предстает этот политик в изображении В. О. Ключевского. Представляется, что историк несколько сгустил краски.

Я. В. Брюс и А. И. Остерман были, безусловно, способными дипломатами. Но они, скорее всего, талантливо исполняли волю Петра, ибо фактически работу на мирном конгрессе возглавил сам царь. Дело было слишком важным, чтобы передоверить его даже талантливым и преданным подчиненным⁵⁹. Еще до начала переговоров Петр лично составил «кондиции, на которых мы мир вечной с короною швейскою заключить желаем».

Шведскую делегацию на Ништадтском мирном конгрессе возглавлял государственный деятель и дипломат Юхан Лилльенстедт (Лилиенштедт, 1655—1732). Он родился в Бьёрнеборге (ныне — финский город Пори) в семье церковного пастора Паулуса Симониса Рауманнуса. Во время учебы в Упсальском университете он выделялся своими обширными знаниями, вследствие чего ему дважды предлагали место преподавателя в Абоском университете. Однако он предпочел поступить на службу гувернером в дом государственного казначея Стена Бельке и одновременно исполнял при нем в Камер-коллегии обязанности секретаря. С 1685 г. служил секретарем-протоколистом в Статс-конторе. Карьера его успешно шла вверх, и в 1690 г. он был возведен в дворянское достоинство под фамилией Лилльенстедт. Дело в том, что по шведской традиции при нобилитации новоиспеченный дворянин менял свою фамилию на более благозвучную.

С 1692 г. Лилльенстедт служил секретарем в Стокгольмском надворном суде, а с 1698 г. состоял членом Законодательной комиссии. В 1705 г. его назначили вице-президентом и председателем Висмарского суда. С этого времени он выполнял многочисленные дипломатические поручения в Германии, поскольку Висмар был немецким владением Швеции. В 1713 г. он получил титул барона. В 1719 г. в качестве полномочного представителя Лилльенстедт принимал участие в работе Аландского мирного конгресса, а также в переговорах с Великобританией, Данией и Пруссией. В этом же году он был назначен членом Риксрода (Государственного совета при короле) и государственным канцелярским советником. Тогда же был возведен в графское достоинство.

В 1727 г. Лилльенстедт назначен президентом Висмарского суда с сохранением жалования члена Риксрода. Умер в своём поместье Дивитц 26 сентября 1732 г. После себя оставил несколько стихотворных произведений, свидетельствовавших, по мнению современников, о его поэтическом таланте⁶⁰ (ил. 7, 8).

VREEDTE tekening tusschen de Plenipotentiarijen van den Kyser van Groot Rusland en de Koning van Sweden, tot Ništaadt, naar een Oorlog van 21 Jaaren, op den 26 Aug. 1721.

PAX inter Magnam Moscovitarum Imper. et Regem Sueciae composita, ductu Oratorum utriusque cum summa potestate Ništaadi 26 Augusti die 1721 post bellum 21 annorum.

Per Schoon Exc. Amst. C. Priv.

Ил. 7. Русско-шведские переговоры в Ништадте. Гравюра начала XVIII в.

Вторым шведским министром на мирных переговорах в Ништадте был назначен Отто Рейнхольд Стрёмфельт (Штремфельдт, 1679–1746). Этот высокопоставленный шведский чиновник и политик был сыном губернатора Лифляндии Густава Стрёмфельда и его жены Кристины Элисбет Таубе из Карлё. После изучения права в Дерптском университете он сопровождал посла Карла Бонда на мирном конгрессе в Рейсвейке в 1697 году, а затем в 1698 году был отправлен с дипломатической миссией в Англию. В 1700 году Стрёмфельд был нанят в качестве экстраординарного канцлера для работы в Национальном архиве. В 1701 году он был назначен ассессором в Дерптском суде.

Ил. 8. Юхан Лилльенстедт. Гравюра XVIII в.

В 1704 году он стал оценщиком в Ливлендском суде. В 1712 году Стрёмфельт был назначен на судебную должность законодворителя (швед. Lagmän) на острове Готланде, а в 1718 году был переведен в округ Кальмар. На риксдаге в 1719 году Стрёмфельт был назначен в комитет, которому было поручено подготовить новую форму правления, ограничивавшую королевскую власть. Он также был назначен губернатором округа Вестерботтен, а затем Коппарберга. В 1720 году Стрёмфельд был возведен во дворянство. В 1721 г. он представлял шведскую сторону на переговорах в Ништадте.

Карьера его продолжилась и после заключения мирного договора. В 1723 году Стрёмфельт был назначен президентом Камерколлегии, несколько раз исполнял обязанности земского маршала.

В 1731 году он был назначен членом Тайного совета, а в 1736 году стал председателем апелляционного суда Свеаланда. С 1743 года Стрёмфельт возглавлял Высокий суд города Або (современный Турку). Скончался он в Стокгольме в 1746 году⁶¹.

4 марта 1721 г. Брюс и Остерман получили в Петербурге шведские паспорта для проезда в Ништадт. Известно лишь, что для проведения переговоров шведы должны были построить специальное здание — «конференц-гауз». Однако к приезду первого русского уполномоченного Я. В. Брюса в Ништадт 28 апреля 1721 г. (Остерман задержался в Риге) постройка еще не была готова. Шведская сторона предложила проводить заседания на квартире Брюса либо в доме, где поселились шведы. Брюс заявил, что переговоры должны проходить только в «конференц-гаузе», который необходимо как можно скорее доделать. Генерал-фельдцейхмейстер всячески подчеркивал, что в мире нуждается скорее шведская сторона, нежели русские.

Первые заседания конгресса начались 11 мая. Уполномоченные представители вели переговоры за круглым столом в «средней светлице» «конференц-гауза», рядом были поставлены два стола для секретарей Фейфа и Шуберта, протоколировавших ход заседаний⁶². 26 мая к переговорам подключился Остерман, отпущенный Петром I из Риги. Место для переговоров на территории разоренной войной Финляндии было выбрано не самое лучшее, но преимущество было в том, что Ништадт был на практически равном удалении как от Стокгольма, так и от Санкт-Петербурга, что позволяло дипломатам достаточно быстро обмениваться корреспонденцией со своими монархами.

Открытие Ништадтского мирного конгресса не означало прекращения боевых действий. Русское правительство рассматривало их как средство «принуждения к миру» Швеции, поскольку те еще надеялись на военную помощь английского флота. В 1721 г. пятитысячный русский десант под командованием П. П. Ласси вновь вторгся на территорию Швеции, где прошел маршем более 300 км, уничтожил 13 заводов, включая один оружейный. Русские сожгли три города, 19 приходов и 506 деревень, захватили 40 небольших шведских судов, а также запасы продовольствия, боеприпасов и пр. Все, что не могли вывезти — предавали огню. При этом старались не трогать мирное население, поэтому современные шведские историки при всем старании не могут привести свидетельств и документов о, якобы, жестокости русских.

К продолжению боевых действий готовился и Балтийский флот. Тем более что английское правительство в ноябре 1720 г. разорвало дипломатические отношения с Россией и выслало из Лондона русского резидента М. П. Бестужева. Весной 1721 г. в Балтийское море вновь вошла британская эскадра под командованием адмирала Дж. Норриса. В результате мер предосторожности, предпринятых русским командованием, английский флот не смог выполнить своей задачи — уничтожить русский флот или даже нанести ему какой-либо ущерб. Более того, несмотря на присутствие британцев, русские суда продолжали успешно высаживать десанты на шведское побережье, наглядно показывая шведскому правительству бесплодность их надежд на иностранную помощь.

Король Фредрик оказался в трудном положении. Швеция не имела возможности продолжать войну, она исчерпала финансовые резервы и людские ресурсы, материальная база армии и флота была истощена до крайности. Некому было сеять и убирать урожай, ремесленные мастерские, заводы и фабрики простаивали, торговля замерла. Пока Швеция была великой державой, ее население на 90 % существовало за счет земледелия и скотоводства, а экономика жестко эксплуатировалась для военных нужд. Северная война и эпидемия чумы 1710—1711 гг. выкосили значительную часть населения. Голландский путешественник, проезжая по шведским землям в 1719 г., отмечал: «Во всей Швеции все до единого молодые люди в возрасте 20—40 лет были солдатами. От жестокой войны пострадала почти вся молодежь

в этой несчастной стране... Все королевство разорено до крайности. Часто, приехав на постоянный двор, мы не находили ни людей, ни лошадей»⁶³.

Брюс и Остерман получили от Петра I в качестве руководящего документа краткие инструкции из трех пунктов, согласно которым послы должны были добиваться передачи России в вечное владение Ингрии и Эстляндии, а также Выборга с Карелией и Кексгольмом. Лифляндия также должна была стать русским владением, но за нее рассматривалась возможность выплаты денежной компенсации⁶⁴. Переговоры в Ништадте продолжались все летние месяцы, и ход их подробно исследован в фундаментальной монографии Л. А. Никифорова⁶⁵.

Камнем преткновения на переговорах стал вопрос о передаче России города Выборга, а также вопрос о пребывании в Санкт-Петербурге голштинского герцога Карла Фридриха (племянника погибшего короля Карла XII), являвшегося претендентом на шведский престол. Шведы резонно полагали, что как только герцог женится на дочери царя Анне, российский монарх получит возможность оказывать не только военное, но и политическое влияние на королевство.

В ходе переговоров русская делегация дала, по поручению Петра, обязательства не вмешиваться в «домашние дела королевства Шведского» и «ниже кому кто ни был не будет оказывать помощь ни прямо, ни посторонние, каким ни есть образом, советом или действием».

Между тем война истощала ресурсы не только Швеции, но и России. Ради заключения мира Петр решил отказаться от претензий на Выборг. Свое решение он поручил передать мирной делегации через камергера и дипломата П. И. Ягужинского, который несколько лет назад уже принимал участие в работе Аландского конгресса. Узнав об этом, Брюс и Остерман приняли все меры, дабы склонить шведскую делегацию к подписанию мира. Одновременно хитроумный Остерман затеял интригу, цель которой состояла в том, чтобы как можно дольше задержать прибытие в Ништадт царского посланника. Зная пристрастие Павла Ивановича к горячительным напиткам, Остерман упросил выборгского коменданта И. И. Шувалова оказать Ягужинскому щедрое гостеприимство и задержать его на несколько дней.

Пока Ягужинский пьянствовал в хорошей компании в Выборге, в ночь с 30 на 31 августа 1721 г. русские уполномоченные

подписали мирный договор, отстояв при этом все требования России⁶⁶. Он состоял из преамбулы и 24 статей, согласно которым заключался вечный и неразрывный мир между русским царем и шведским королем, а также их преемниками. Все военные действия прекращались в двухнедельный срок. Россия закрепила выход к Балтийскому морю, к ней отходила часть Карелии, расположенная к северу от Ладожского озера, Выборг, Ингерманландия, Эстляндия с Ревелем и Лифляндия с Ригой, а также острова Эзель и Даго. Население этих территорий сохраняло свободу вероисповедания.

Предусматривался обмен пленными, амнистия «преступникам и перебежчикам» (кроме сторонников гетмана И. С. Мазепы). Финляндия освобождалась от русских войск и возвращалась Швеции. Шведы получали право ежегодно беспошлинно закупать и вывозить из России хлеба на 50 тыс. рублей. Договор подтверждал все привилегии, предоставленные остзейскому дворянству шведским правительством: оно сохранило свое самоуправление, сословные органы и т. д.

Несмотря на то, что Россия была победившей стороной, она приняла на себя обязательство уплатить побежденной стороне денежную компенсацию за отчуждаемые территории. Размер выкупа составлял два миллиона талеров (ефимков), уплачиваемых в строго определенные сроки и через строго определенные банки Гамбурга, Лондона и Амстердама⁶⁷.

2 миллиона ефимков при весе монеты (в 1721 г.) 28 г составляли 56 тонн серебра. Для сравнения можно сказать, что первенец российского линейного флота — 52-пушечный корабль «Полтава» обошелся казне в 35 тысяч ефимков, включая стоимость пушек. Таким образом, Петр I отправил в Швецию сумму, достаточную для снаряжения флота из 56 линейных кораблей. Ежегодный бюджет России в те годы составлял порядка 4—5 миллионов рублей (или ефимков, серебряный рубль перечеканивался из иоachimсталера), следовательно, царь выплатил шведской короне половину всего годового бюджета страны. Для самой же Швеции того времени эта сумма составляла весь годовой бюджет. Деньги русской стороной были выплачены сполна, о чем в феврале 1727 г. шведский король сообщил русскому послу в Стокгольме князю В. В. Долгорукову.

Нельзя не упомянуть еще об одном стимулирующем факторе, который ускорило подписание мирного договора. Русские

представители на конгрессе делали шведской стороне достаточно откровенные предложения о вознаграждении за стоворчивость в обсуждении статей договора и ускорении его подписания. С этой целью Я. В. Брюсу и А. И. Остерману были выданы 30 000 червонных из кабинета Его Величества.

Юхан Лилльенстедт получил 9600 червонных, его коллега Отто Рейнхольд Стрёмфельг — 6400 червонных, а шведский статс-секретарь Гёпкен — 4000 червонных. Секретарь шведской делегации Фейф и другие канцелярские служащие довольствовались 500 червонными на всех. Часть этих сумм была выдана «публично», то есть явно, а часть секретно⁶⁸.

Сын Лилльенстедта был послан в Стокгольм с текстом договора для его ратификации королем Фредриком. Он привез ратифицированный договор в Ништадт даже раньше обусловленного срока — 11 сентября. Это показывает, что шведы торопились с окончательным утверждением договора, понимая, насколько необходим был мир для королевства (ил. 9, 10).

Царь хотел получить известие о заключении мира первым, до того как об этом узнал кто-либо другой в России. С этой целью он писал дипломатам: «Ежели у вас с помощью Божиею станет дело подходить к доброму окончанию, дайте чрез курьера знать, дабы я в Элзенфорс прибыть, как для ближнего решения в чем будет спор не в зело в важных делах, так и для того чтоб сие мне привезть в Питербург (понеже не чаю, хтоб более моево в сей войне трудился) и для того сему никому являтца не велите кроме меня. Також чтоб и партикулярных писем с конгресса о том никуды ни от кого не было от наших людей»⁶⁹.

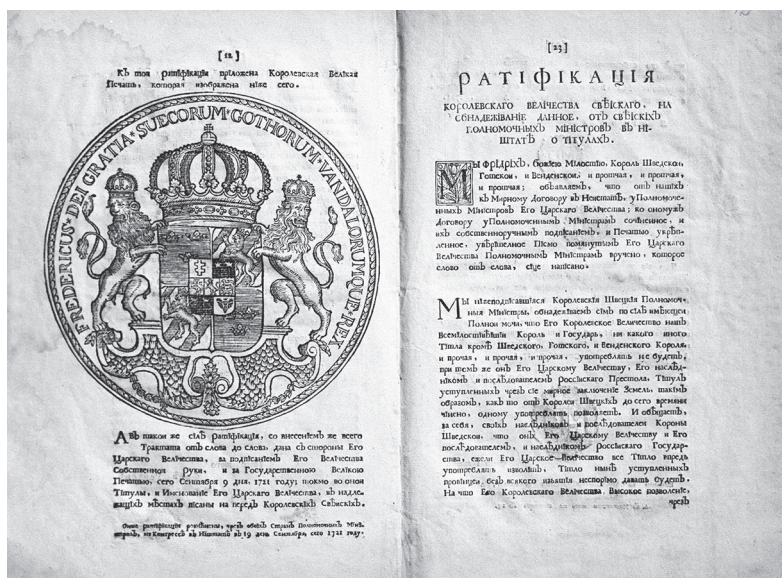
Петр получил известие о заключении мира 3 сентября, будучи на острове Котлин. В этот день с утра он позировал живописцу Ивану Никитину, писавшему портрет государя. Затем царь присутствовал на литургии, после чего изволил откусать и прилечь поспать. Отдохнув, Петр вместе с царицей Екатериной Алексеевной отправился морем на торншхоуте⁷⁰ в свое загородное имение Дубки на северном берегу Финского залива. Версты за две до намеченной цели царь встретил транспорт, на котором находились выборгский комендант И. И. Шувалов и капрал гвардии И. Обресков. Последний был послан из Ништадта, дабы сообщить о заключении мира со шведами. Получив это радостное известие, Петр, взяв с собой только двух человек, как можно скорее отправился в Санкт-Петербург. На следующий

Ил. 9. Барельеф на заключение Ништадтского мира для «Триумфального столпа» в честь побед русских войск в Северной войне. 1720-е гг.

день в четвертом часу пополудни в Троицком соборе начался торжественный молебен, после которого царь объявил о заключении мира. Пушечная и ружейная стрельба возвестила горожанам о важном событии⁷¹.

«Гистория Свейской войны», которую, как известно, редактировал сам Петр I, детализирует подробности: «В 3 день сентября их величества с Котлина-острова восприяли путь свой в Дупки и, не доехав оного места версты за 3, встретился его величеству на шлюпке лейб-гвардии Преображенского полку капрал Иван Обресков, которой послан с конгресу Ниуштацкого от полномочных министров с реляциею, в которой они доносили, что с помощью Божию в 30 день августа с швецкими министрами мир заключили и трактатами разменялись. И тот трактат, заключенной руками швецких министров, помянутой Обресков привез. И оной пакет писем разпечатал его величество сам и, прочет, никому

Ил. 10. Печатный экземпляр ратифицированного шведским королем Ништадтского мирного договора. 1721 г.

тогда не объявил. И понеже было уже поздно, того дня в том доме у Дубков начевали. И на другой день, то есть в 4 день сентября, поутру все придворные его величества люди приготовились было к назначенному походу в Выборг, но вместо того его величество объявил, что мир заключен. И тотчас послан указ в карабельной флот х Красной горке к шавтбенахту Сиверсу (которой тогда в помянутом флоте командиром был), дабы он со всем флотом возвратился х Кроншлоту. Также и х капитану-командору Науму Синявину, которой тогда обретался с эскадрою карабелей при Елзинфорсе, чтоб також шел х Кроншлоту, объявляя притом и поздравляя им и всем афицером, что всемилостивый Бог двадцати однолетнюю войну благим и пожелаемым миром окончить изволил, прошедши троевременную так жестокою и опасную школу. Тако ж и к генералу князю Голицыну в Финляндию, поздравляя в такой же материи ево и всех афицеров корпуса ево, письмо послал. И, отправя сие, того ж часу, взяв с собою одного пажа своего и трубача, сам с тою ведомостью поехал в Санкт-Питербух морем на брегантине. И когда прибыл в Неву-реку, тогда, едучи рекою, по обыкновению рядовых вестей стреляли

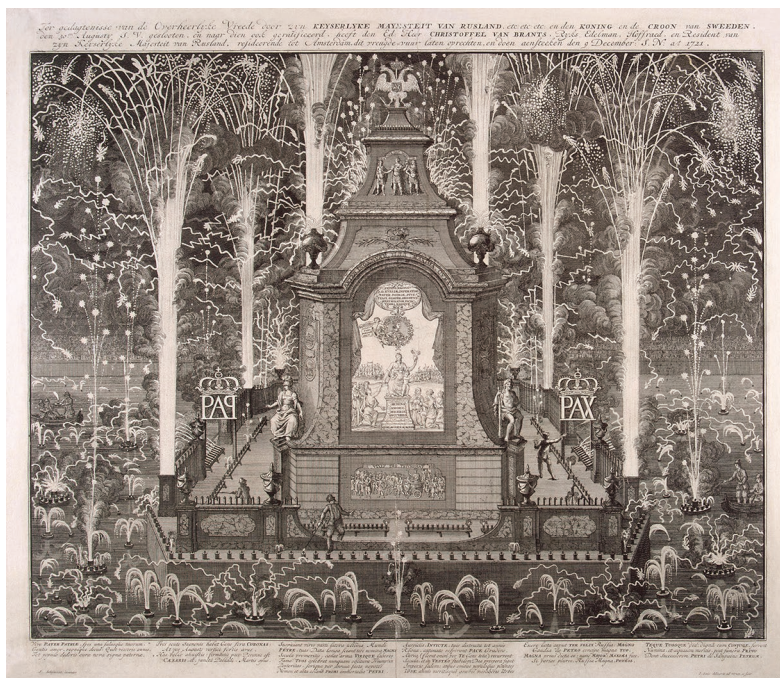

Ил. 11. Петр I объявляет о заключении Ништадтского мира. Гравюра XIX в.

з брегантира чрез всякую минуту ис трех басов и трубили на трубах. Что услыша, все как духовныя, так и свецкия знатныя персоны сошлись на пристань Троицкую и его величество встретили которым его величество объявил о заключении так от Бога даннаго благополучнаго мира, чему зело обрадовались. И потом в тот час пошли в церковь Троицкую, где учинил краткими словами архиерей резанской поздравление. И было благодарение Богу, и по отправлении Богу благодарения была троекратная пушечная стрельба со всех крепостей изо всех пушек»⁷².

Особо благодарил Петр I за подписание мира своих дипломатов на Ништадтских переговорах: «Понеже трактат так вашими трудами зделан, хотя б написав нам и только б для подписи послать господам шведам, более бы того учинить нечего, за что вам зело благодарствуем. И что славное в свете сие дело ваше никогда забвению предатися не может, а особливо николи наша Россия такого полезного мира не получала»⁷³. Брюс и Остерман получили щедрые награды, а последний — еще и баронский титул в придачу.

Основные празднества по случаю заключения мира в Санкт-Петербурге и во всем Российском государстве были назначены на 22 октября в Северной столице и 28 января 1722 г. в Москве, поскольку для их подготовки требовалось время (ил. 11, 12).

Ил. 12. Фейерверк в честь заключения Ништадтского мира, устроенный русским послом в Амстердаме. Гравюра 1720-х гг.

Однако царь не мог терпеть так долго, и 10 сентября в столице состоялась шуточная свадьба князь-папы И. И. Бутурлина, которая по сути дела стала грандиозным празднеством в честь окончания войны. «Машкарад», сопровождавшийся грандиозными попойками и достаточно непристойными процессиями, продолжался до 17 сентября. Он подробно описан в дневнике камер-юнкера голштинского герцога Ф. В. Берхгольца⁷⁴. Вот, например, как проходила брачная церемония: «Погуляв, при стечении тысяч народа, часа два по площади и рассмотрев хорошенько друг друга, все маски в том же порядке отправились в здания Сената и коллегий, где за множеством приготовленных столов князь-папа должен был угощать их свадебным обедом. Новобрачный и его молодая, лет 60-ти, сидели за столом под прекрасными балдахинами — он с царем и господами кардиналами, а она с дамами. Над головою князя-папы висел серебряный Бахус, сидящий верхом на бочке с водкой, которую тот цедил в свой стакан

и пил. В продолжение всего обеда человек, представлявший на маскараде Бахуса, сидел у стола также верхом на винной бочке и громко принуждал пить папу и кардиналов; он вливал вино в какой-то бочонок, причем они постоянно должны были отвечать ему. После обеда сначала танцевали; потом царь и царица, в сопровождении множества масок, отвели молодых к брачному ложу. Жених в особенности был невообразимо пьян. Брачная комната находилась в упомянутой широкой и большой деревянной пирамиде, стоящей перед домом Сената. Внутри ее нарочно осветили свечами, а ложе молодых обложили хмелем и обставили кругом бочками, наполненными вином, пивом и водкой. В постели новобрачные, в присутствии царя, должны были еще раз пить водку из сосудов, имевших форму *partium genitalium* (половых органов, *лат.*) (для мужа — женского, для жены — мужского), и притом довольно больших. Затем их оставили одних; но в пирамиде были дыры, в которые можно было видеть, что делали молодые в своем опьянении. Вечером все дома в городе были иллюминированы, и царь приказал, чтоб это продолжалось во все время маскарада»⁷⁵.

23 сентября в Петербург доставили ратифицированный шведским королем мирный договор. Все началось сначала, и праздники закончились только в конце месяца⁷⁶. В день главных торжеств 22 октября в Троицком соборе «при народном собрании» была зачитана речь-прошение от Сената и Синода, в которой высшие духовные и светские чины государства просили царя принять титул «Отец Отечества, Петр Великий и Император Всероссийский»⁷⁷. В тот день после торжественного богослужения происходила церемония раздачи наград участникам войны, сопровождаемая салютом из многих пушек и беглого огня 27 полков. Затем были устроены увеселения разного характера. Набережные и улицы города были ярко иллюминированы цветными фонариками с салными плоскими свечами. Немало горело смоляных бочек и костров, сложенных из дров. Вечером на Петербургской стороне, против здания Сената, было устроено фейерверочное представление.

Центральная декорация фейерверка представляла собой огромных размеров сооружение в виде храма Януса. Он был иллюминирован множеством разноцветных фонарей. В назначенный час Петр, находившийся с приближенными на галерее Сената, поджег здесь специально изготовленную фигуру орла, полетевшую

к храму Януса, от орла в свою очередь зажглась центральная декорация, и тогда зрители увидели освещенные голубым огнем открытые двери храма и внутри «мирорешительного» Януса, державшего в правой руке лавровый венок, а в левой масличную ветвь. Немного спустя показались в голубом огне две фигуры в виде вооруженных панцирями коронованных рыцарей, олицетворявших Российскую и Шведскую державы. Они двигались навстречу друг другу с протянутыми для рукопожатия руками. В момент сближения фигуры рыцарей прикоснулись к дверям храма, которые тотчас же затворились. Это было символическим выражением заключенного мира между Россией и Швецией.

Как только вход в храм Януса был закрыт, над ним взлетело «шесть тысяч ракет и прочих фейерверочных фигур», заиграли духовые оркестры, раздался колокольный звон, и грянул салют. Затем справа от храма Януса зажегся двигавшийся к нему большой фитильный щит, на котором была изображена фигура «Правосудия», попирающая ногами двух фурий, представлявших недоброжелателей и ненавистников России. Над декорацией виднелась надпись: *«Всегда победит»*.

После этого осветился другой фейерверочный щит, находившийся слева от центральной декорации. На нем был показан направлявшийся в гавань корабль. Здесь же светилась пояснительная надпись: *«Конец дело венчало»*. Эта аллегория подчеркивала значение достигнутых Россией результатов в итоге Северной войны.

По сторонам храма Януса были также представлены пирамиды, которые казались сделанными из бриллиантов, что достигалось сгоранием особых фейерверочных изделий, дававших яркий белый свет. Одновременно на воде были показаны четыре «огненные фигуры», изображавшие «Славу», «Правосудие», «Осторожность» и «Победу».

В устройстве этого грандиозного фейерверка принимал большое участие сам Петр и военные инженеры Г. Г. Скорняков-Писарев и В. Д. Корчмин. К сожалению, храм Януса был разрушен 5 ноября 1721 г. в результате страшной бури и большого наводнения, причинивших значительный ущерб всему городу.

В конце января 1722 г. торжества по случаю Ништадтского мира состоялись и в Москве. Они также были отмечены маскарадом. Сборным пунктом для маскарадной процессии стало подмосковное село Всехсвятское. 30 января, когда подготовка маскарада

Ил. 13. Маскарадное шествие в Москве в январе 1722 года. Гравюра XVIII века

была завершена, туда прибыл Петр I со своей свитой. На следующий день в 9 часов утра по сигналу ракеты процессия двинулась по Тверской дороге в Москву.

В маскараде участвовали император с супругой, главные вельможи и сановники. Все были одеты в различные оригинальные маскарадные костюмы. Процессия состояла из шести десятков макетов различных судов, установленных на санные полозья. Запряжены эти сани были разными животными: лошадьми, волками, баранами, свиньями и собаками.

Впереди в больших снях, запряжённых пятёркой лошадей, ехал шутовской маршал, окруженный группой забавных масок. За ними следовал глава «Всепеньейшего и Всешутейшего собора» князь-папа И. И. Бутурлин. Он сидел в больших снях, на возвышении в виде трона, облачённый в длинную папскую мантию из красного бархата и подбитую горностаем. В ногах у него восседал на бочке Бахус, державший в правой руке большой кубок, а в левой — посудину с вином. За ними шла свита кардиналов, замыкаемая царским шутом, который сидел в санках, запряжённых четырьмя свиньями (ил. 13, 14).

Далее следовал флот, который возглавлял бог Нептун в короне с длинной седой бородою и трезубцем в правой руке. Он ехал в колеснице в форме раковины, перед которой находились две сирены. В процессии участвовал и князь-кесарь И. Ф. Ромодановский

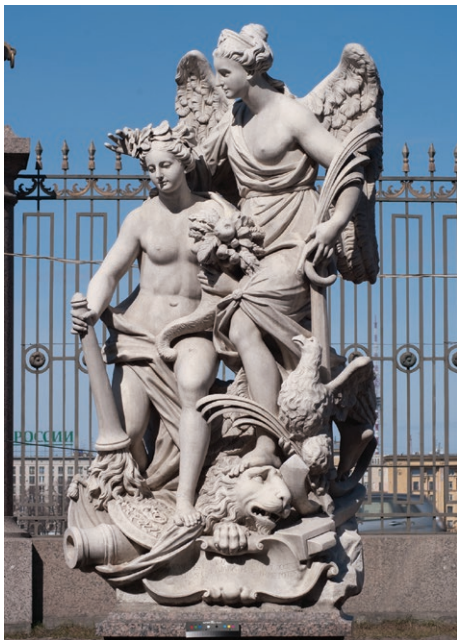
Ил. 14. Большой маскарад в 1722 году на улицах Москвы с участием Петра I и князя-кесаря И. Ф. Ромодановского. Художник В. И. Суриков

в царской мантии. Он занимал место в большой белой лодке, запряженной двумя медведями.

На главном корабле флотилии находился сам Петр I в одежде флотского капитана. Государя окружали юнги в боцманских костюмах, несколько генералов, одетых барабанщиками, а также денщики и фавориты. Когда во время шествия дул ветер, корабль распускал паруса и маневрировал, как на море. Везли корабль 15 лошадей.

За кораблем царя следовала золочёная крытая гондола, в которой ехала императрица Екатерина I с придворными дамами. За время движения императрица несколько раз меняла костюм, представляя в разных образах. Гондолу везли 8 рослых лошадей. За гондолой следовали члены «всепьянейшего собора», одетые арлекинами, скамарушами, журавлями и т. п. Шествие несколько раз объехало Красную площадь и проследовало в Кремль, где состоялось грандиозное пиршество. Маскарад продолжался несколько дней⁷⁸.

Триумфальное завершение Северной войны и принятие Петром I императорского титула знаменовало принципиально важные перемены и в международном положении России. В итоге

Ил. 15. Мир и Победа. Ништадтский мир.
Скульптор Пьетро Баратта. 1726 г.

Северной войны Россия вошла в «концерт» (как говорили тогда) великих европейских держав. Из страны, занимавшей в Европе заметное, но отнюдь не ведущее место, поддерживающей оживленные контакты в основном с сопредельными государствами, Россия становится влиятельной державой, от позиции которой зависит решение важнейших европейских проблем.

В память о завершении Северной войны император заказал статую для своего любимого Летнего сада (ил. 15). Установили ее уже после

смерти великого монарха в 1726 г. Беломраморная скульптурная группа «Мир и Победа. Ништадтский мир» итальянского ваятеля Пьетро Баратта представляет собой символ России — обнаженную женскую фигуру с рогом изобилия и опрокинутым горящим факелом. В ее ногах находятся щит, пушка и барабан. Россию венчает лавровым венком богиня победы Ника, которая держит пальмовую ветвь — символ мира, а ногой попирает поверженного льва, геральдический символ Швеции. Лев лапой придерживает картуш с надписью на латинском языке: «Велик тот, кто дает, и тот, кто принимает, но самый великий тот, кто и то, и другое свершить может».

Тысячи посетителей Летнего сада проходят мимо этой скульптурной композиции, но мало кто из них знает, что это — за Ништадтский мир, 300-летие которого отмечают в 2021 г., и какой ценой он достался России.

¹ Крылова Т. В. Внешняя политика России после Полтавы. 1709—1710 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения: Сборник статей. М., 1959. С. 156—176.

² См.: Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959; Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. М., 1990. С. 108—129.

³ В апреле 1716 г. Петр I заключил союз с мекленбургским герцогом Карлом Леопольдом, за которого царь выдал свою племянницу Екатерину Ивановну. На территорию герцогства были введены русские войска под командованием А. И. Репнина, а самому герцогу обещано присоединение к его землям Висмара. Поддержка Петром I герцога, находившегося в остром конфликте с местным дворянством, которое, в свою очередь, поддерживал император, еще больше усугубила русско-австрийский конфликт (Гец П. П. Карл-Леопольд, герцог Мекленбургский // РС. 1875. Май. С. 146—148; Фейгина С. А. Аландский конгресс. С. 89—91; Mediger W. Meklenburg, Russland und England-Hannover (1706—1721): Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges // Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsen. Hildesheim, 1967. Bd 2. S. 115—167).

⁴ См.: Nisbet Bain K. Charles XII and the Collaps of the Swedish Empire. New-York; London, 1895. P. 304; Mediger W. Moskaus Weg nach Europa: Der Aufstieg Russlands zum europaischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Grossen. Braunschweig, 1952. S. 1—61.

⁵ От А. де Лави 19 марта 1717 г. // Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе и отчеты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов во Франции с 1681 по 1718 гг. // Сборник Императорского русского исторического общества (далее: Сборник РИО). СПб., 1881. Т. 34. С. 118.

⁶ Рождественский С. В. Известия о России в историческом сборнике «Theatrum Europaeum» // Журнал Министерства народного просвещения (далее: ЖМНП). 1891. Май. С. 57—77.

⁷ От А. де Лави 7 января 1718 г. // Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе. С. 289—290.

⁸ Там же. С. 319—321.

⁹ Дипломатические материалы сборного содержания, относящиеся к царствованию Петра Великого: 1697—1718 гг. // Сборник РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 68.

¹⁰ О. А. Плейер — Карлу VI 11 января 1717 г. // Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. Приложение № 67. С. 370—372.

¹¹ Там же. С. 371.

¹² Петр I — Карлу VI 18 марта 1718 г. // Устрялов Н. Г. История. Т. 6. Приложение № 162. С. 489.

¹³ А. П. Веселовский — Петру I 30 апреля 1718 г. // Там же. Приложение № 163. С. 490.

¹⁴ О. А. Плейер — Карлу VI 4 июля 1718 г. // Там же. Приложение № 187. С. 540.

¹⁵ Расшифровка перехваченного письма Я. де Биэ // Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 50 (Сношения России с Голландией). Голландские дела (1718 г.). Д. 11. Л. 47—49.

¹⁶ О. А. Плейер — Карлу VI 7 июля 1718 г. // Устрялов Н. Г. История. Т. 6. Приложение № 187. С. 541—545

- ¹⁷ Фейгина С. А. Аландский конгресс. С. 249–251.
- ¹⁸ Расшифровка перехваченного письма Я. де Биэ // РГАДА. Ф. 50. Голландские дела (1718 г.). Д. 11. Л. 30–31.
- ¹⁹ Четверной союз сложился в 1717–1718 гг. Первоначально в него вошли Англия, Франция и Голландия, а позднее (в августе 1718 г.) к ним присоединилась Австрия. Союз носил антииспанскую направленность, но его участники намеревались «умиротворить» вооруженной рукой и Россию (Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. С. 108–109).
- ²⁰ Флоровский А. В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого // Acta Universitatis carolinae. Historica. 1955. Vol. 2. С. 26–27.
- ²¹ Доклады конференции Карлу VI // Устрялов Н. Г. История. Т. 6. Приложение № 191. С. 568–569.
- ²² Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894. Ч. 1. С. 49.
- ²³ Журнал или Поденная записка... Петра Великого с 1698 г. даже до заключения Нейштадтского мира. СПб., 1772. Ч. 2. Отд. 2. С. 75–76; Флоровский А. В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. С. 29–30.
- ²⁴ Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 71–72.
- ²⁵ Там же. С. 274.
- ²⁶ Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1896. Ч. 2. С. 63.
- ²⁷ Граф Г. И. Головкин — князю Б. И. Куракину, С.-Петербург 18 марта 1720 г. // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1891. Кн. 2. С. 410.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Белокуров С. А. Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе (с начала сношений по 1800 г.). М., 1893. Вып. 1. С. 56; Серов Д. О. Строители империи: Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 137.
- ³⁰ Серов Д. О. Строители империи. С. 138.
- ³¹ На все требования русского правительства выдать А. П. и Ф. П. Веселовских английская сторона отвечала, что «король не может исполнить просьбы царя, не нарушая права убежища, которое должно оставаться неприкосновенным у всех народов, тем более что лица, о выдаче которых требует царь, не были ни судимы, ни приговорены к наказанию». Когда А. П. Веселовский подал в парламент прошение о предоставлении ему английского подданства, то по ходатайству русского посла ему было в этом отказано (Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1901. Т. 2. С. 34; Тимирязев В. А. Русские дипломаты XVIII столетия в Англии // Исторический вестник. 1898. Т. 72. С. 259; Крамер М. Авраам Веселовский // Русская старина. 1884. Т. 54. С. 189–190).
- ³² Куракин Б. И. Ведение о главах в Гиштории // Архив князя Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 90–91.
- ³³ РГАДА. Ф. 50 (Сношения с Голландией (1718 г.)). № 11. Л. 47–49; См. также: Б[аргнев] П. Н. Дело царевича Алексея по известиям голландского резидента Де-Биэ // РА. 1907. № 7. С. 319.
- ³⁴ Флоровский А. В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. С. 30–31.

³⁵ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами / Сост. Ф. Ф. Мартенс. СПб., 1874. Т. 1. (Трактаты с Австрией. 1648—1762 г.). № 5. С. 32—44.

³⁶ Брикнер А. Г. Хр.-Фр. Вебер: (Материалы для источниковедения истории Петра Великого) // ЖМНП. 1881. Январь. С. 66—68.

³⁷ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei: Vornehmlich nach und aus der gesandtschaftlichen Correspondenz Friedr.-Christian Webers.* Leipzig, 1880. № 107. S. 105—106; № 110, 111. S. 109—110; № 127. S. 129—130; № 131. S. 135—136.

³⁸ Вебер Ф. Х. Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1443—1446.

³⁹ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei.* № 131, 132. S. 135—136.

⁴⁰ Материалы для истории русского флота. СПб., 1867. Ч. IV. С. 154.

⁴¹ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei.* № 141. S. 147—154, № 143. S. 151—152, № 144. S. 152.

⁴² Брикнер А. Г. Хр.-Фр. Вебер // ЖМНП. 1881. Февраль. С. 212.

⁴³ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei.* № 140. S. 146; № 141. S. 147.

⁴⁴ *Ibid.* № 142. S. 151; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 1. С. 49.

⁴⁵ Якоб де Би — Соединенным Штатам 14 июля 1718 г. // Устрялов Н. Г. История. Т. 6. Приложение № 190. С. 556.

⁴⁶ О. А. Плейер — Карлу VI 7 июля 1718 г. // Там же. Приложение № 187. С. 544.

⁴⁷ *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Peter der Grosse und der Zarewitsch Alexei.* № 158. S. 164—166.

⁴⁸ *Ibid.* № 149. S. 156; См. также: Брикнер А. Г. Хр.-Фр. Вебер. С. 74.

⁴⁹ Король Карл XII погиб во время осады норвежской крепости Фредериксхалл при загадочных обстоятельствах 30 ноября 1718 г. См. подробнее: Смерть короля шведского Карла XII (1718 г.): Из бумаг семейного архива барона Каульбарса // РС. Октябрь. 1891. С. 33—38; Browning O. Charles XII of Sweden. London, 1899; Обстоятельства смерти Карла XII // ИВ. 1913. Октябрь. С. 391—393; Hatton R. M. Charles XII of Sweden. London, 1968; Ефимов С. В. Пуля для короля. Легенда и история штуцера Каульбарсов // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Материалы Второй международной научно-практической конференции. Часть 1. СПб., 2011. С. 220—248. — В последние годы жизни шведский король прилагал немалые усилия для восстановления на английском престоле династии Стюартов (Фейгина С. А. Аландский конгресс... С. 153—181). Его гибель была подарком судьбы для ганноверского дома. На шведский престол взошла его младшая сестра Ульрика-Элеонора (1688—1741), которая в 1720 г. передала бразды правления своему супругу принцу Фридриху Гессен-Кассельскому (1676—1751), ставшему шведским королем под именем Фредрика I и стремившемуся к союзу с Англией. Георг I как курфюрст ганноверский поспешил заключить 20 ноября 1719 г. выгодный договор со Швецией. По условиям этого договора к Ганноверу навсегда отходили Бремен и Верден в обмен на 1 млн талеров. В январе 1720 г. Георг I уже в качестве английского короля заключил союз со Швецией, по которому Англия обязалась выплачивать шведам ежегодную субсидию в 300 тыс. талеров, пока продлится война с Россией, поддерживать их своим флотом и помочь

добиться выгодного мира с Петром I (Chance J. F. The Northern pacification of 1719–1720 // *English historical review*. 1907. Vol. 22. № 87. P. 478–507; № 88. P. 694–725; 1908. Vol. 23. № 89. P. 35–64).

⁵⁰ Lodge R. *The Anglo-French alliance 1716–1731* // *Studies in Anglo-French history* / Ed. by A. Coville and N. Temperley. Cambridge, 1935. P. 3–18.

⁵¹ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII в. (1700–1775 гг.). М., 1995. С. 20–21. Дюбуа Гийом (1656–1723), французский государственный деятель, дипломат. Сын аптекаря, аббат, с 1683 г. воспитатель герцога Людовика Шартрского (сына Филиппа Орлеанского), чрезвычайный посол в Англии и Голландии (с 1716 г.), член Государственного совета, министр иностранных дел Франции (с 1718 г.) в эпоху регентства герцога Филиппа Орлеанского. Кардинал (с 1721 г.), премьер-министр (с 1722 г.). Переориентировал внешнюю политику Франции на союз с Англией. Один из деятельных организаторов Четверного союза.

⁵² Бобылев В. С. Внешняя политика России эпохи Петра I. С. 117.

⁵³ Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 186.

⁵⁴ Ульрика Элеонора (1688–1741) — королева Швеции, правившая в 1718–1720 гг. Дочь Карла XI и Ульрики Элеоноры Датской, младшая сестра Карла XII; Фредрик I Гессенский (1676–1751) — король Швеции с 1720 года, ландграф Гессен-Кассельский (под именем Фридриха I) с 1730 г.

⁵⁵ От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI — начало XX века // Отв. редактор И. С. Рыбачёнок и др. М., СПб., 2015. С. 109.

⁵⁶ Очерки истории Министерства иностранных дел России: В 3 т. / Редкол.: И. С. Иванов (председатель) [и др.]. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. Т. 2. С. 157.

⁵⁷ Дело о выдаче Я. В. Брюсу диплома на графское достоинство 1721 г. // РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 162. Л. 10–11.

⁵⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. Т. V. М., Т. IV. М., 1989. С. 233.

⁵⁹ История внешней политики России: В 5 т. Т. 2. XVIII век (От Северной войны до войн России против Наполеона) / Отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2018. С. 46.

⁶⁰ Lillienstedt, Johan / In: Herman Hofberg, Frithiof Heurlin, Viktor Millqvist, Olof Rubenson (Hrsg.) *Svenskt biografiskt handlexikon*: 2. Auflage. Band 2: L–Z, samt Supplement. Albert Bonniers Verlag, Stockholm, 1906. S. 61

⁶¹ Otto Reinhold Strömfelt / In: Herman Hofberg, Frithiof Heurlin, Viktor Millqvist, Olof Rubenson (Hrsg.) *Svenskt biografiskt handlexikon*: 2. Auflage. Band 2: L–Z, samt Supplement. Albert Bonniers Verlag, Stockholm, 1906. S. 551.

⁶² Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. С. 396.

⁶³ Цит. по: Вейбульд Йорген. Краткая история Швеции / Пер. со швед. Н. Валлениус. Стокгольм: Шведский институт. 1994. С. 63.

⁶⁴ Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. С. 395.

⁶⁵ Там же. С. 395–478.

⁶⁶ Павленко Н. И., Дроздова О. Ю., Колкина И. Н. Соратники Петра. М., 2001. С. 454.

- ⁶⁷ Полное собрание законов Российской империи (первое издание). СПб., 1830. Т. VI. № 3819. С. 420–431.
- ⁶⁸ Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. С. 476.
- ⁶⁹ Там же. С. 476.
- ⁷⁰ В составе Балтийского флота в то время состоял один торншхоут «Амстердам», подаренный Петру I в 1719 г. прусским королем (Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Типография морского министерства, 1872. С. 280–281).
- ⁷¹ Походный журнал 1721 года. СПб., 1855. С. 58–59, 73–74.
- ⁷² История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. Вып. I. М., 2004. С. 532.
- ⁷³ Там же. С. 534.
- ⁷⁴ Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721–1725 г. / Пер. [с предисл.] с нем. И. Аммон. М., 1902. С. 115–123.
- ⁷⁵ Там же. С. 120.
- ⁷⁶ Походный журнал 1721 года. СПб., 1855. С. 74.
- ⁷⁷ Агеева О. Г. От Московского царства к Всероссийской империи. Акт поднесения императорского титула 22 октября (4 ноября) 1721 года // 1150 лет российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвящённому Году российской истории: Москва, 18 декабря 2012 г. / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; сост. В. Б. Перхавко. М.: Наука, 2012. С. 108–119.
- ⁷⁸ Берхгольц Ф. В. Дневник. 1722 год. С. 41–52; Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1908. С. 80–85.